

безбоязненно предстать на судъ Божій и на немъ получить общанное мздовоздаяніе.—Аминь!

Состав. воспитанникъ VI класса семинаріи *Василій Кузнецовъ*.

Изъ памятки приходскаго пастыря.

Пастырство было моимъ идеаломъ во весь богословскій курсъ въ семинаріи. О службѣ въ городѣ я не мечталъ—можетъ быть потому, что не зналъ быта городского духовенства, а въ положеніи сельскаго священника лично видѣлъ много лестнаго на мой взглядъ и желательнаго. Прежде всего онъ матеріально обезпеченъ и далекъ отъ заѣдающей нужды; по крайней мѣрѣ многимъ моимъ знакомымъ батюшкамъ жилось хорошо ¹⁾ Притомъ видѣлъ, какъ прихожане въ селахъ любятъ и почитаютъ пастыря трезваго, добраго и назидательнаго: онъ—отецъ и господинъ въ приходѣ. Если иной священникъ не терпимъ прихожанами,—въ томъ онъ самъ виноватъ. Не любятъ они пса—чиновника или барина, который съ гостями проводитъ нерѣдко цѣлыя ночи, а мужичку и днемъ пойти къ нему можно не иначе, какъ съ докладомъ, и ждать его за порогомъ или вовсе на дворѣ, если еще матушка не выносить мужицкой грязи. Не любятъ въ приходѣ, если священникъ идетъ съ требой не тогда, когда просятъ, а когда ему угодно, а ночью не смѣй беспокоить его. Не долюбливаютъ еще корыстолюбивыхъ, когда они не хотятъ знать нуждъ и скорбей прихожанъ, не щадятъ и бѣдняка, требуютъ даянія безъ милости, а сами ничего имъ не даютъ, ни духовной пищи, ни привѣта. Признаюсь, такіе священники и мнѣ были всегда противны. Идеаль лучшаго пастырства посѣлилъ въ душѣ моей крестный отецъ мой, блаженной памяти, бывший Инспекторъ дух. училища въ г. Камышинѣ (родина моя) Петръ Бобровъ. Онъ въ дух. Академіи, въ монашествѣ принялъ мое имя—Павель съ тѣмъ, чтобы я прозывался не Лебедевъ,

¹⁾ Говорю о Царевскомъ уѣздѣ, гдѣ служилъ мой отецъ.

какъ мой родитель, а Бобровъ. (Скончался въ 1871 году на-
мѣстникомъ Почаевской Лавры). Онъ, какъ отецъ, былъ моимъ
добрымъ геніемъ и въ семинаріи и на священнической службѣ
въ приходѣ. Къ тому еще Господь далъ мнѣ тестя, весьма
опытнаго въ пастырствѣ, протоіерея Іоанна Росницкаго. Онъ де-
сятки лѣтъ былъ Благодѣинымъ и настоятелемъ собора. Подъ
ихъ руководствомъ, Божіею милостію, началъ я священнослуженіе
въ с. Калмыцкой Балкѣ, Царевскаго уѣзда, вскорѣ по отчисле-
ніи его изъ Саратовской епархіи въ Астраханскую, а потомъ
въ с. Пришибѣ того-же уѣзда,—извѣстномъ гнѣздѣ молоканства.
Они помогали мнѣ стать и держаться на почвѣ пастырства, при
всей скудости моихъ знаній и нравственныхъ силъ.

Въ приходѣ К. Балкской Покровской церкви.

Село Калмыцкая Балка вмѣстѣ съ Пролейкой, называемой
хуторомъ (версты полторы отъ К. Балкской церкви), и деревня
Бирючая Балка (въ 4 верстахъ) до 70 тыхъ годовъ, составляли
одинъ приходъ, въ которомъ дворовъ было при мнѣ до 300.
Всеѣ прихожане-государственные крестьяне.

Калмыцкую Балку (оврагъ съ потокомъ, излюбленный когда-
то кочевавшими здѣсь калмыками) около сороковыхъ годовъ
населили выходцы изъ Тамбовской губ. и малороссы изъ Воро-
нежской губ.; Бирючую Балку также Тамбовцы, а Пролейскій
хуторъ образовали госуд. крестьяне съ горной стороны Волги
изъ с. Пролейки, Саратовской губ. Они по раздѣлу земельныхъ
угодій, владѣли паями за Волгой и здѣсь, кромѣ хлѣбопашества,
хорошо наживались арбузными бакчами и еще фурами на озерѣ
Елтонѣ (были солевозцы). Невосельцы около нихъ получили тоже
богатый надѣлъ и по примѣру ихъ старались разводить скоть,
чтобы имѣть рабочихъ быковъ для заработковъ на Елтонѣ и
бакчами. При такихъ средствахъ Пролейскій хуторъ въ 40-выхъ
годахъ уже имѣлъ до 70 домовъ,—всеѣ почти изъ сосноваго
лѣса красиво построенные и крытые тесомъ; да и Балкскіе скоро

вылѣзли изъ землянокъ въ порядочные избы, особенно хохлы, какъ болѣе зажиточные. Они между невосельцами составляли меньшую часть, но заняли доминирующее положеніе, почему ихъ обычное усердіе ко храму Божию отозвалось и на русскихъ: немедленно всѣмъ обществомъ сначала устроили часовню, и церковный причтъ, данный имъ въ 1842 году, надѣлили прекрасною землею, а потомъ начали сдавать на аренду лучшей своей сѣно-косный участокъ (Лиманъ) и на эти средства построили очень красивый храмъ, который къ моему прїѣзду къ нимъ на службу совершенно былъ готовъ къ освященію. Пролейцы же до самаго открытія штата при Балкской церкви продолжали довольствоваться своею церковью, которая за волгою въ селѣ Пролейкѣ

Во второй день января 1854 года прибылъ я въ село К. Балку, но не вступая на службу, поѣхалъ дальше около 70 верстъ къ своему о. Благочинному, чтобы предъявить ему себя и свои права. Отъ него возвратился въ приходъ къ вечерни наступающаго праздника Крещенія Господня и началъ священнослуженіе. Прихожане, по смерти своего священника долго оставались безъ пастыря, и такъ рады были моему прибытію, что юность мою какъ будто не замѣтили,—всѣ почтительно выслушали привѣтъ мой въ церкви и приняли первое священническое благословеніе. Радъ былъ и я, что имѣлъ удобный случай тогда же познакомиться съ прихожанами въ самыхъ домахъ, посѣщая ихъ съ Честнымъ Крестомъ и Святою водою. Не торопясь мы обходили весь приходъ до послѣдней лачуги и могъ я побѣсѣдовать въ каждомъ домѣ съ отцемъ—матерью и дѣтми. Приходъ оказался не благоустроеннымъ. Часто одна хозяйка принимала насъ.— „Гдѣ же хозяинъ?“ Спрашиваю.— „На дворѣ тамъ что-то копается“.— „А дѣти?“— „Должно на улицѣ играютъ“.— Готовъ былъ я возмутиться при видѣ такого невниманія къ Св. Кресту и водоосвященію, а также къ первому моему посѣщенію дома, но сдержанно просилъ созвать ко мнѣ всѣхъ отсутствующихъ; тогда уже начиналъ Богослуженіе съ внятнымъ произношеніемъ моленія; послѣ того были надлежашія внушенія домохозяевамъ,

а дѣтей ихъ обласкаю и даже гостинцемъ дарилъ тѣхъ малышей, которые умѣли молиться Богу и правильно приносили молитвы.

Между прочимъ въ одномъ домѣ встрѣтилъ такой сюрпризъ: пригласили насъ по обычаю присѣсть. Побесѣдовали. Время уже подниматься и дальше идти. Почтенный хозяинъ обращается къ дьячку: „Акимъ Иванычъ, чай ты смотрѣлъ по книгамъ-то; когда мы женимъ Андриюху-то маво?“—Дьячекъ молчитъ.— „Что-же Акимъ Ив., вѣрно обѣщаль,—такъ скажи ему“.— „Это, батюшка, до васъ было, а теперь ваше дѣло.“ Хозяинъ повялъ меня и сталъ говорить въ защиту дьячка: „Извините, батюшка, насъ простыхъ людей. Покойный о. Г. ни дочего самъ не доходилъ, завсегда посылалъ насъ за всѣмъ къ А. Ива-чу, —мы такъ ужъ и привыкли“ Старикъ высказано, что „по закону тутъ за все отвѣчаетъ прежде и болѣе всѣхъ священникъ, по этому доходить до всего еъ нашихъ дѣлахъ надо мнѣ самому. Такъ и другимъ скажи“.

Во время хожденія съ однимъ Крестомъ и Св. водою рѣдко кто попроситъ покушать—чѣмъ Богъ послалъ, а на Пасху и въ храмовой праздникъ пріемъ всегда бываетъ торжественный: хозяинъ или хозяйка съ хлѣбомъ—солью встрѣчаетъ Крестный ходъ съ Св. иконами. Послѣ молебна обычно приглашаютъ за столъ. Хозяйка торопливо подаетъ гостямъ все, что есть въ печи, и—не мало, потому что имѣютъ рыбныя воды и всѣ угодыя водить скоть, свиней, гусей и пр., да и плодами и овощами были не бѣдны; при томъ хозяйки приволжскія умѣютъ готовить чистенько, особенно въ Пролейкѣ и хохлушки. Среди разныхъ блюдъ непременно является водочка. Съ перваго-же раза я попросилъ хозяина убрать водочку со стола, тогда сѣлъ. „Какъ это возможно такъ!—гости да безъ водки!.. чудно“ Но я иначе не соглашался и за столъ садиться; убрали, —тогда сѣлъ. Сначала трудно ломать вѣковой обычай русскій, а потомъ дѣло улаживается, когда народъ пойметъ крѣпкое слово батюшки, когда еще узнаеть, что онъ и багачамъ не дѣлаеть уваженія. За то сколько пользы въ послѣдствіи! Пастыръ ста-

новится выше среды и приобретает авторитет, и причть съ нимъ служить трезвый, потому и служба исполняется по надлежащему.

Разъ на Пасху вижу, діаконъ (судимый до меня за пьянство) напился. Гдѣ, какъ? Сталь слѣдить. Оказалось,—онъ остается позади Крестнаго хода и—выпиваетъ. На другой день я просилъ его непременно быть въ стихарѣ и идти впереди меня.—А какъ жены причта были благодарны, что мы къ вечерни уже заканчивали дневное хожденіе, служимъ вечерню и въ добромъ здоровьи приходимъ домой!

Неправду говорятъ, что крестьяне обижаются на священника, если онъ не пьетъ съ ними. Впослѣдствіи одинъ почтенный крестьянинъ въ дорогѣ бесѣдовалъ со мною и съ полною откровенностію высказалъ: „Спасетъ васъ Христосъ, что отучаете насъ отъ пьянства. Сила въ томъ, что сами не пьете. Вотъ вы сдѣлали свое дѣло и—домой, а у о. Н. бывало не такъ; молебень отслужить и засядетъ около водочки Тутъ надо хлопотать,—дѣло свадебное, а онъ сидитъ пить, и ты—хозяинъ пей съ нимъ; а напѣшся,—какіе ужъ тутъ порядки?! И онъ—пьяный что хорошаго схажетъ?!“

— Вы вѣдь сами упрасиваете пить.

— Знамо сами; нужда заставляетъ: не уподчивай его хорошенько,—онъ обидится; къ нему тогда и не подойдешь.

Въ Балкѣ главное начальство было сельскій староста, а волостное правленіе въ сл. Рахинкѣ—за 40 версть. Попросилъ я старосту приготовить мнѣ квартиру поближе къ церкви, лѣсомъ поновѣе и уѣхаль за женой.

Прибыли съ ней изъ Камышина на двухъ развальняхъ—санияхъ; прихожане указали намъ близъ церкви подъ горою небольшую избу почти новую: „Вотъ, батюшка у церкви близехонько; въ ней года два никто не жилъ. Не сумлѣвайтесь“.

— Да вѣдь она совершенно безъ двора и безъ крыши (покрыта соломой одна сторона); одинъ снѣгъ на потолокъ.

— Ничего, батюшка, подь снѣгомъ теплѣе, чѣмъ подь крышей, а дворъ-то нашто вамъ? Вотъ хлѣвушекъ-то надо,—хоть завтра поставимъ позадь избы. Да вамъ вѣдь только до весны,—къ тому времени сами уже найдете избу, какую надо.

Дѣйствительно зимою гдѣ искать? Поселились въ этой; она сухая, заранѣе вымыта и отоплена: Въ избѣ—обычная обстановка: русская печь съ перегородкой, простой столъ и лавки кругомъ, у двери нары и палати. Скоро прислали намъ обои,—мы сами оклеили голыя стѣны. Благодаря обилію снѣга, дворикъ отъ вѣтра огородили высокою снѣговою стѣной.

Такъ мы начали жить своимъ гнѣздышкомъ. Не ладно было одно: когда прихожане съ мороза изъ сѣней входили въ избу съ ношею,—клали ее прямо у порога на постель; потомъ мужикъ снимаетъ шапку, обычно молится и принимаетъ благословеніе. А носили не мало даровъ ради новоселья и по случаю свадьбъ,—кто кусокъ мяса, кто поросенка или курицу, масла и проч. Моя супруга отъ души хохотала, глядя на простоту и доброту деревенскую. Скучно ей въ мое отсутствіе по дѣламъ; тогда она позоветъ милыхъ своихъ старушекъ, усадить ихъ на печи,—онѣ и забавляютъ ее разными рассказами и пѣсенками. Разъ, во время мартовской оттепели, пріѣзжаю изъ Пролейки, гдѣ былъ съ „постной молитвой“,—слышу въ избѣ моей визгъ, хохоть. Вхожу и—угодилъ прямо подь душъ,—это снѣговая вода потекла сквозь потолока. Сосѣди съ кухаркой помогали женѣ подставлять подь течь горшки, корыта и что могли, стараясь уберечь отъ воды книги, имущество, но подмоченнаго оказалось не мало. Снѣгъ съ потолока убрали въ тотъ же день, а дождь сторожили, но скоро и съ нимъ помирились, когда настали теплые весенніе дни. При такой обстановкѣ смѣхъ жены былъ иногда и сквозь слезы.

Скоро и огорожа моя растаяла; на избу нашу при вѣтрѣ понесло пескомъ съ окружающихъ село песчаныхъ бугровъ. За то при тихой погодѣ былъ прелестный видъ на сторону Волги. Займище зеленымъ ковромъ разстилалось предь окнами

далѣе лѣсокъ тянется каймою вдоль берега, а за рѣкой въ дымкѣ—горы бѣлосѣрой полосой. Впрочемъ не на долго достались намъ всѣ эти пріятности и непріятности. Въ маѣ купилъ я себѣ новенькій сосновый домикъ у о. діакона за небольшую сумму съ разсрочкой, такъ какъ домъ былъ не совсѣмъ достроенъ и почти безъ огорожи. При помощи казеннаго жалованья (120 р. въ годъ) и арендныхъ за богатый сѣнокосъ въ 2—3 года я расплатился съ долгомъ и обстроился такъ, какъ мнѣ хотѣлось. При домѣ красовался цвѣтничекъ съ овощами, а за дворомъ засадилъ рощу. Благо—въ семинаріи насъ учили ботаникѣ и вообще сельскому хозяйству. Дворъ мой конечно оживился разными пернатыми и другими тварями, начиная отъ лошади до собаки. Прихожане такъ расположились ко мнѣ, что каждый по возможности готовъ былъ или услужить, или почтить меня какимъ либо даромъ. А за что? Почему?—Такія отношенія ихъ ко мнѣ установились сами собою, безъ всякихъ усилій съ моей стороны. Дѣло въ томъ, что во 1-хъ выросъ я въ средѣ крестьянъ русскихъ и хохловъ, потому крестьянская натура мнѣ близко извѣстна. 2, И по своей-то натурѣ никогда я не былъ съ ними чиновникомъ; мои двери всегда были открыты для прихожанъ и даже самъ говорилъ имъ, чтобы „ко мнѣ по дѣлу и по нуждѣ каждый шелъ смѣло днемъ и ночью: самому нельзя, - дитя пошли, только-бы онъ мотъ сказать, что надо, а не то—самъ догадаюсь“. Къ больнымъ шелъ безъ всякихъ отлагательствъ; напутствую и при томъ дамъ совѣтъ, какъ полечить. Благо—насъ учили медицинѣ, а другое—крестьянской цѣльной натурѣ пустынное пособіе помогаетъ: разсолъ, соль, деготь, полынь, мята, ромашка и т. под.—ихъ собственная и лучшая аптека. Могъ совѣтовать и по другимъ дѣламъ; недаромъ служилъ въ канцеляріи, нужду—горе переживалъ; а „мука—всему наука“. 3, Понималъ ихъ въ простой рѣчи въ церкви и бесѣдовалъ съ ними охотно при псѣщеніи домовъ ихъ съ требами, и дѣтей ихъ ласкалъ. Съ повѣркою душъ по дворамъ самъ ходилъ съ дьячкомъ, чтобы ближе знать семейное положеніе прихожанъ. На

третій годъ могъ я назвать не только отца и мать, а не рѣдко и дѣтей. Вотъ въ чемъ дѣло: „что посѣешь, то и пожнешь“. Еще правиломъ моимъ было и есть — „общать только то, что могу исполнить“, дабы вѣру имѣли слову моему. Вель я свое дѣло такъ, все благодаря совѣтамъ тестя моего и крестнаго отца, Архимандрита Павла, съ которымъ была у меня живая переписка.

Конечно, не всегда былъ идеальнымъ. Особенно не могъ я выносить пьяныхъ. На грѣхъ кабакъ занялъ избу какъ разъ противъ моихъ воротъ. То было время откуповъ, сильныхъ темною силою, потому протесты мои слушали, какъ „лай на луну“. Разъ вижу въ окно, — крестьянинъ изъ бѣдныхъ вышелъ изъ кабака настолько пьяный, что не много пошелъ и упалъ. Не вынесъ я картины этой предъ моимъ домомъ. Взялъ на дворѣ свѣжій длинный пруть и 2—3 ударами заставилъ мужика подняться и идти домой. Жена его подошла на помощь ему и со слезами благодарилъ за науку. Этотъ фактъ сообщилъ я тестю своему, — онъ ахнулъ: „Возможно-ли бить! Палка въ рукахъ пастыря только на защиту овецъ отъ звѣря“, и продиктовалъ статью Номоканона, по которой священникъ — „бійца да извержется“. Такъ, по пословицѣ, „пошелъ по шерсть, а воротился стриженный“. За то питухи заставили кабатчика перемѣнить свою квартиру.

О благодѣиіи богослуженія всегда я старался, особенно когда освятили церковь; съ дьячкомъ находили пѣвцовъ и обучали ихъ, о школѣ же и не думалъ. Въ то время это дѣло не считалось нашимъ, а было чисто казенное. Частно набирать дѣтей на выучку никто изъ причта не хотѣлъ, и не видѣли нужды въ этомъ, ибо на грамотность крестьянъ смотрѣли мы легкомысленно, о чемъ до сихъ поръ жалѣю. Въ проповѣди слова Божія усердствовалъ; каждый праздникъ поучалъ, когда начальство указомъ возложило на меня катехизаторство.

Четвертый годъ службы мнѣ особенно памятенъ по слѣдующему событію. Пролейцы мои судомъ оспаривали свои права

на обширный сънокосный участокъ, который казаки сосѣдняго Субботина хутора присвоили и силою взятокъ формально отмежевали себѣ. Уѣздный землемѣръ услужилъ имъ. Черезъ годъ, по рѣшенію суда, тому же землемѣру предписано отмежевать этотъ участокъ Пролейцамъ. Пріѣхала комиссія для исполненія рѣшенія; чиновники распорядились пригласить духовенство отслужить молебенъ на мѣстѣ межеванья. Когда съѣхались на это мѣсто въ полѣ, видимъ дѣло неладное. Пролейцы—всею деревнею здѣсь; на телѣгахъ у нихъ вилы, косы и другія крестьянскія орудія, а казаки за межею выстроились—верховыхъ съ нагайками до 100 и пѣшихъ не мало. Дьячекъ сообщаетъ мнѣ, что еще казачки въ ближайшей балкѣ—въ резервѣ сидятъ на готовѣ съ пиками: „лучше, батюшка, уѣдемъ“.—По окончаніи молебна съ водоосвященіемъ, я обратился къ народу съ увѣщаніемъ, чтобы они оставили намѣреніе взять боемъ свою землю. „Боже васъ упаси! говорю. Такъ дѣлаютъ только безбожные варвары, а вы—добрые христіане. Поймите: если идти силою на казаковъ, много будетъ раненыхъ и не мало убитыхъ, а у васъ дѣтки, жены; сколько слезъ тогда!... Безъ того возьмете все свое; разъ присудили вамъ, да еще въ Палатѣ,—теперь безъ бою ваше будетъ, и всё убытки свои возьмете. За васъ правда и законъ и Самъ Господь, Которому сейчасъ молились. Дайте мнѣ слово, что не возьметесь за вилы и косы“.—„Не станемъ, батюшка, не станемъ! Вѣрно вы сказали, что не надо насильно“. Чиновники много благодарили, когда я окропилъ всёхъ и плугъ съ межевыми вещами.

Землемѣръ—виновникъ этой кутерьмы замѣтно изрядно выпилъ для храбрости и сдѣлалъ команду солдату своему: „съ вѣхой и цѣпь впередъ! Но только солдагъ дошелъ до межи, верховые казаки окружили его и поднялось надъ нимъ нѣсколько нагаекъ: „пошелъ назадъ! Убьемъ!“ Ему Землемѣръ кричитъ: „иди впередъ!“ Тогда одинъ верховой схватилъ солдатику сзади—зашиворотъ и выбросилъ его за межу свою. Землемѣръ кричитъ: „долой, казаки!“ и самъ храбро пошелъ къ солдату на помощь: „Сторонись!“ и сталъ напроломъ идти между верховыми.

Казаки надъ нимъ подняли нагайки и звѣрски заревѣли—одни: „убьемъ! пошелъ назадъ! Не дадимъ землю свою!“ — другіе: „бей его—обманщика! бей, топи!“ А тутъ, позади верховыхъ, начинается къ озеру топъ. Члены комиссіи ко мнѣ: „Батюшка! спасите! чиновникъ погибаетъ!“ — Меня будто толкнуло невидимою силой; съ посохомъ своимъ въ рукахъ быстро дошелъ до казакковъ: „Братцы! кричу, что вы напали на безоружнаго! Вамъ-ли душу христіанскую губить! Вѣдь Сибирь за это. Пожалѣйте себя, дѣтей...“, кричу и проталкиваюсь между лошадьми. Съ трудомъ добрался до Землемѣра и насильно выручилъ его изъ толпы верховыхъ. Они ко мнѣ: „Эхъ, батюшка! Не ваше бы дѣло здѣсь; онъ обманщикъ, наказаль насъ; ему такая бы и дорога—въ болотѣ быть“.

Потрясенные такой сценой всѣ молча возвратились въ Пролейку. Г-нъ исправникъ пригласилъ меня съ собою и Землемѣра,—этотъ будто оглушенный, всю дорогу (версты 4) слова не промолвилъ; когда же пріѣхали въ станovouю кеартиру, онъ будто проснулся и рыдая, бросился обнимать и цѣловать меня. „Вы спасли мнѣ жизнь...“ былъ вопль его. Тогда газетъ мѣстныхъ не было; Палата посмотрѣла на это событіе по казенному, произвела чрезъ особую комиссію слѣдствіе и, по рѣшеніи дѣла, сложила его въ архивъ. Осенью пожаловали ко мнѣ о.о. ревизоры—двое, какъ обычно велось при Архіепископѣ Аѳанасіѣ,—и имъ ничего я не сказала о Майскомъ событіи: не въ обычаѣ было „ахать“ на весь міръ.

Доживаемъ уже пятый годъ въ Балкѣ, какъ неожиданно получаю указъ А. Консисторіи, которымъ перемѣщенъ я въ село Пришибъ, того же уѣзда, въ главное гнѣздо молоканства, въ силу указа Свят. Синода, „какъ благонадежнѣйшій для дѣйствованія по расколу“ (1858 г.). Это озадачило насъ обоихъ до слезъ: ревизія такъ одолжила. И такъ сколько заботъ и трудовъ мы положили, пока устроились и зажили въ покоѣ, и—свое дорогое насиженное гнѣздо домъ уступить другимъ; не менѣе тяжело было разставаться съ добрыми прихожанами, которые стали уже какъ

родные намъ. Пришибъ село тоже близкое мнѣ, но не по душѣ. Взялъ бы я тамъ одну Ахтубанскую природу, на лонѣ которой проводилъ время дѣтства и юности, но людей не надо мнѣ: они далеко хуже Балскихъ. Пришибъ—село базарное, громадное, близъ города, но что намъ городъ!—мы скучали по своей Балкѣ, когда бывало гостимъ въ Камышинѣ у своихъ. Тамъ—въ Пришибѣ два штата при церкви, а діаконъ одинъ, родитель мой. Въдъ это не ладно. Дай напишу Владыкѣ объ этомъ, авось... Однако и это не помогло: справились чрезъ благочиннаго, каковъ мой родитель,—узнали, что онъ трезвой, примѣрной жизни, и оставили мой рапортъ въ тунѣ.

Пока мы съ женой думу думали, какъ оставимъ свое добро, покинемъ всѣхъ и тутъ—у церкви двѣ могилки дѣтокъ нашихъ,—услышали скрипъ воротъ. Какъ снѣгъ на голову, явился предъ нами Пришибинскій о. Ст. М—ковъ, перемѣщенный на мое мѣсто.

Онъ—изъ веселыхъ, шутливо объявляетъ, что онъ здѣсь—хозяинъ. Какъ ни горько, а пришлось сдѣлаться съ нимъ: онъ взялъ мой домъ и все на дворѣ за себя, а его гнѣздо въ Пришибѣ, давно мнѣ извѣстное, заняли мы. Купчая крѣпость наша и на словахъ была крѣпка.

Чрезъ день наступило воскресенье. Отслужилъ я послѣднюю литургію въ Балской Покровской церкви, излилъ предъ народомъ свою душу и—прощаюсь, чего народъ не ожидалъ. По церкви раздался тревожный шумъ, вопль женщинъ и дѣтей; не могъ и я больше говорить: также обливаясь слезами, сдѣлалъ отпущекъ и простился со всѣми. Тѣмъ сцена не кончилась. Изъ церкви послѣдовалъ за мною почти весь народъ. Мнѣ нужно еще дѣлать распоряженія по дому и ѣхать скорѣе—сани были уже готовы, а народъ у крыльца толпою ко мнѣ съ объятіями; женщины падали къ ногамъ и, обнимая ихъ, голосили свое: „родимый ты нашъ батюшка...“ Изъ дому показаться нельзя. Никогда не забуду этихъ проводовъ; да и въ Балкѣ помнятъ меня до сихъ поръ.